

УДК 821.124

*И.В. Ершова***БЕСТИАРНАЯ СИМВОЛИКА БЕСЧУВСТВИЯ
В «ЗАГРОБНЫХ ВИДЕНИЯХ» СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Статья посвящена толкованию символических коннотаций бестиарных образов одного из жанров средневековой литературы - «видений». Анализ староиспанских версий «спора тела и души» (XII-XIV вв.) показывает, что могильные черви на теле (мертвом или живом) – это не только свидетельство телесной бренности, но и предельный случай бесчувствия, как в отношении отсутствия земных чувств, так и в отношении обостренного восприятия всего происходящего в загробном мире, то есть способности чувствовать саму ситуацию наказания/вознаграждения, погибели/спасения, которая и является главным содержанием всякого визионерского текста. Этим, в частности, можно истолковать появления могильных червей в «Аду» Данте, где они возникают только в описании душ ничтожных («Ад», 3, 64-69).

Ключевые слова: загробные видения, «спор тела и души», бестиарий, символ, могильные черви.

Произведения о «загробных видениях» в Средневековой словесности принадлежит к разряду ученой религиозной литературы с четко определенными дидактическими задачами. А посему все в таких визионерских текстах имеет смысл не только буквальный, но и символично-аллегорический. Более того, даже самая незначительная на первый взгляд деталь, призвана помочь истолкованию смысла тех странных «видений», которые должны наставить человека в истинной вере и предостеречь от свершения греха. Такую символическую значимость обретают и все твари, населяющие мир «загробных видений», вплоть до самых мелких и ничтожных, коими являются черви, жабы, мокрицы и прочие существа, поедающие мертвую человеческую плоть в загробном мире средневековья. Оговорим сразу два исходных положения: речь пойдет о могильных червях, то есть червях *par excellence* – тех, что копошатся в мертвой плоти; рассмотрим их литературную и символическую функции. Черви – частый, почти обязательный, атрибут изображения мертвого тела в средневековой литературе, описывающей переход или нахождение в загробном мире, в частности, в загробных видениях.

Сразу следует уточнить, что словом «червь» в средневековых бестиариях могли называть и морское чудище, и дракона, и змея-искусителя, и всех прочих тварей, пирующих в гниющей плоти живого человека и в теле трупа. От червей, вполне реальных и передающих чумную заразу, до драконов и змеев в «Золотой легенде» Иакова Ворагинского, где они рассыпаны по тексту сплошь и рядом, и до змеевидных чудищ-драконов в орнаментах викингов, которые представляют собой почти сплошь клубки и дорожки переплетенных змей и червей. Даже библейские упоминания червей не имеют в виду нечто единообразное, хотя в большинстве случаев подразумеваются как раз черви в разлагающемся и гниющем теле (например, это случай Иова, где гниение тела выступает как испытание; или случай Ирода Агриппы – как наказание; «Ангел Господень поразил его за то, что не воздал славы Богу, и он был изъеден червями» (Деян. 12:23)).

В «загробных видениях», о которых пойдет речь, преимущественно говорится только о могильных (и в некотором смысле, замогильных) червях, поедающих умершую плоть.

Quando es vivo el omne, cría mota sin mesura
de piojos de lombrizes, ca tal es la su natura;
muerto, cría los gusanos con su mala podredura
que lo roen e lo comen dentro en su sepultura.. .

*(Когда человек жив, он порождает грязь без числа
От вшей и земляных червей, поскольку такова его природа:
Мертвый же, творит червей с их ужасной гнилью,
Которые его грызут и поедают внутри могилы)*

(Libro de miseria de omne, п/п XIV – здесь и далее подстрочник мой. – И.Е.)

В латинской визионерской традиции черви именуется словом «vergmis, is»; именно его использует Исидор Севильский в XII книге «Этимологий» – «О животных», когда дает этому разряду существ вполне научную, а не символическую, характеристику (следуя в этом Плинию Старшему):

«5. De vermibus. Vermis est animal quod plerumque de carne, vel de ligno, vel de quacumque re terrena sine ullo concubitu gignitur; licet nonnumquam et de ovis nascuntur, sicut scorpio. Sunt autem vermes aut terrae, aut aquae, aut aëris, aut carnis, aut frondium, aut lignorum, aut vestimentorum». Самая важная информация в этом определении: черви рождаются из ничего, возникая в земле, воздухе, воде; они не размножаются, а самозарождаются (все – кроме скорпионов); в понятие «черви» включаются и скорпионы, и пауки, и прочие твари. Соответственно, и тело человеческое после смерти поедают и облепляют самые разные твари и насекомые, сводимые к одному условно-обобщенному виду: черви (gusano, исп.; worm, англ.; verme, итал.), хотя обычно сохраняется обобщенное «черви», лишь изредка уточняемое в конкретных текстах:

«Bien creo que non te huele agora tan bien por / que ya tú non comes nin puedes comer, e agora / comen a ty muchos busanos et lonbrizes e muchas / rreyllas...» (Visión de Filiberto, 14 век, проза).

(Я верно полагаю, что ты не пахнешь так хорошо потому, что ты не ешь и не можешь есть, а ныне ест тебя множество червяков и земляных червей и много всяких гадов...)

В средневековой визионерской литературе есть особый поджанр, или точнее, отдельный сюжет, представленный многими версиями, созданными изначально, видимо, в латинской традиции, а потом и многочисленными текстами на народных языках, именуемый «спор души и тела». Еще Ф.Д. Батюшков, вслед за французским медиэвистом Г. Парисом, в своей знаменитой работе конца XIX в. указывал в качестве изначальных источников «спора» – апокрифический рассказ Макария Александрийского и видение Павла [1]. Автором латинского текста, положившего начало многочисленным переложениям, называют епископа Роберта Гроссетеста (Robert Grosseteste) [5]. Правда, существует и другая точка зрения, считающая источником или дополнением западноевропейского «спора души и тела» сочинение Бернарда К्लюнийского «О презрении мира» (De contemptu mundi) [8]. Этот сюжет также представлен и в староиспанской литературе, о которой преимущественно пойдет речь в этой статье «Спор души и тела» (Disputa del alma y el cuerpo – 1201 г. [7]). Туда он приходит, очевидно, как переводной текст (то ли с французского, то ли с латинского). В Испании прижился в основном один из вариантов этого «дебата», корпус сохранившихся версий которого известен под обозначением «Visio Philiberti» [4] (визионером здесь выступает определенный персонаж, отшельник Филиберт) тоже изначально созданное на латинском, а затем переведенное на староиспанский, причем в испанской литературе сохранилось два текста этой ветви сюжета, один – «Видение Филиберта» (Visión de Filiberto, XIV век, в Толедском манускрипте) [9]; второй – «Откровение Отшельника» (Revelación de un ermitaño, кодекс XV в., датируемый XIV в.) [11]. Обе разновидности «спора души и тела», как и полагается, преследуют назидательную цель: убедить человека в бренности и преходящести телесных и земных радостей и удовольствий, а также неизбежности расплаты, вся тяжесть которой ложится на душу и ее последующее существование в загробном мире.

Ситуация в дебатах всегда типична и одинакова: отшельник ночью, на рассвете, в тишине, видит видение, в котором оказывается свидетелем напряженного разговора/спора тела и души, при том что, как правило, тело говорит мало или почти безмолвно, тогда как душа словоохотлива и эмоциональна. Она ужасается виду тела, упрекает тело в прижизненных пороках, а главное, в том, что именно из-за тела она теперь вынуждена будет оказаться в аду, во власти чертей (demonios) и дьявола. По окончании спора, порой приобретающего вид богословско-поучительного дебата, душу чаще всего забирают демоны.

В первом приближении бестиарная символика понятна и очевидна, и все заявленные темы очень традиционны: черви заводятся в теле умершего человека и пожирают его, а символический смысл их присутствия, во-первых, говорит о смерти как факте; во-вторых – о бренности тела, стремительно разрушающегося после смерти (здесь присутствует очевидная связь с темами ubi sunt, vanitas). Все дебаты после краткого пролога о визионере сообщают сначала о теле как объекте, видимом наиболее зримо и наглядно. В «Откровении Отшельника» говорится: «...et aparesció vn cuerpo de omne syn espíritu, que parescía que era ya partido del ánima; e yo catándolo con espanto». (Vision de Filiberto (проза, 1382). (И появилось тело человека без духа, так что казалось, что оно уже рассталось с душой; и я взирал на него со страхом). В стихотворном дебате (Revelación de un ermitaño, к. XIV в.) тело описывается пугающе натуралистично:

Toré con un omne que yasia fynado;

Holía muy mal, ca estaua fynchado,

Los ojos quebrados, la faz denegrida,

La boca abierta, la barba cayda,
De gusanos e moscas muy aconpannado. [11]

(Я наткнулся на человека, лежащего мертвым; / от него очень дурно пахло, потому что он был раздут, / с лопнувшими глазами, почерневшим лицом, / с открытым ртом, выпавшей бородой, / весь в червях и мухах).

Тело в видении само по себе является знаком непременного разрушения, неумолимости смерти, свидетельством ее жестокости. Более того, смерть для тела становится своего рода наказанием – отсюда все внешние признаки разрушения. Тело не просто безжизненно, оно вообще лишено всех атрибутов живого. Оно слабо, у него нет сил, нет физических ощущений, оно не чувствует ничего, разве что само издает гнилостный запах: «...que son tan flaca que aún non me puedo nin tengo fuerça para me defender de tan pequeña cosa commo son estos busanos que me rroen los costados en esta casa en que está» (Visión de Filiberto, XIV в.) (*...я так слабо, что не могу и нет у меня сил, чтобы защитить себя от таких мелких тварей, каковыми являются эти черви, что грызут бока в том жилище, где я нахожусь*) [9].

В стихотворном видении тело само описывает душе свое состояние и крайнюю немощность:

Sy non mira agora qual es mi poder.
Que estos gusanos non puedo toller
Que comen las carnes de mu criamiento.
Tu mi sennora, yo tu seruidor,
Mis pies y manos por ty se mouieron,
A do quisiste allá anduvieron. [11].

(А нет, так посмотри теперь, какова моя власть, / Что я не могу смахнуть этих червей, / Которые едят плоть моего существа. / Ты моя госпожа, я твой слуга, / Мои ноги и руки были движимы тобой, / Куда ты хотела, туда и шли).

Все функции тела, в том числе способность испытывать пять чувств, умирают вместе с органами тела. Тело ничего не чувствует. В дебатах оно просто лежит в бесчувствии, и черви, его грызущие и терзающие, словно бы сообщают нам об этой нечувствительности тела, его неспособности ощущать физическую боль и нравственные мучения, тогда как жизнь души, наоборот, обострена до предела. Поскольку мертвое тело ничего не чувствует, то страшная картина тления и гниения должна символизировать мучения души при виде того, что происходит с телом. Душа в видениях стонет, рыдает, испытывает боль, страх, надежду. Страдания души, заставляющие ее тяжело вздыхать и жаловаться, описываются так: «e asentóse cerca dél, llorando e gimiendo con grandes sospiros, doliéndos e mucho de los exçesos e pecados que auía fechos la su malyciosa carne et cuerpo que ante sí veía; e maldezyendo al cuerpo començó arrazonarse lo que se sygue» (Visión de Filiberto, 14 в.) (*И села она рядом с ним, плача и жалуясь, сильно вздыхая, страдая об излишествах и грехах, которые совершила ее дурная плоть и тело, которое она видела перед собой; и, кляня тело, она начала рассуждать о том, что последует*).

О скорби и страданиях души в стихотворном «Споре души с телом» 1201 г. рассказывается с первого мгновения появления души:

«eram asemeisant que so un lenzuelo nuevo yazia un cuerpo de huemme muerto; ell alma era fuera, e fuertementre que plera, el ama es ent esida, desnuda ca non vestida, e guisa dun ifant fazie duelo tan grant» [2].

(было похоже, что под новым платом, / лежало тело мертвого человека; / душа была снаружи и сильно плакала, / душа тогда вышла, обнажена, потому что не одета, / И в образе ребенка так сильно страдала).

Душа в «загробных видениях» не просто носитель эмоций. Она забирает с собой все земные чувства, в жизни испытываемые телом и его органами чувств. Она чувствует и осязает, видит, слышит и обоняет. Не случайно, столь часто мы сталкиваемся в средневековых видениях и прочих inferнальных картинах и текстах с противоречием, что в аду томятся души и их страдания передаются в виде телесных мук, то есть при участии всех пяти чувств, хотя тело-то как раз и отсутствует, будучи съеденным червями.

Душу в споре, как правило, изображают обнаженным ребенком (или белой птицей), который заливаясь слезами от страданий и страха за свое будущее. На первый взгляд кажется, что это не мир чувств (сфера тела), а мир эмоций, который и до смерти был в ведении души. Но помимо необычайной эмоциональности у души в загробном мире обостряются и чувства, подобные телесным: слух, зрение, обоняние. Однако чувства эти наполняются еще одним дополнительным смыслом. Так душе через обретение чувств открывается все то, что не может видеть тело. Она обретает способность видеть потусторонний мир, обычно скрытый от живого человека – небеса, наполненные светом, и анге-

ла, спускающегося оттуда. Она видит демонов, поднимающихся из смрада и тьмы. Она остро ощущает границы порока и добродетели. Чувствительность, кстати, возрастает и у визионера. Явление души сопровождается появлением цвета (света), звука и движения, тактильных ощущений, идет постепенное изменение восприятия пространства у того, кому открывается видение. Раскрывается невидимый человеку загробный мир, его другое измерение.

Заметим, что бесчувствие сопровождающее тело, изъеденное червями, в значительной мере вызвано самой природой червей. Есть интереснейший средневековый английский текст – «Диспут тела и червей» (*A Disputacioun Betwuxþe Bodyand Wormes*, XV в.), несколько пародийный, размышляющий все на ту же тему бренности бытия, но в качестве собеседников в нем выступают труп Дамы и черви, его поедающие [10]. Среди прений и препирательств, организованных по модели публичного схоластического диспута, звучит следующий вопрос тела, обращенный к червям: «Зачем вы меня грызете и разрушаете?», на что следует весьма значимый в контексте наших рассуждений ответ червей:

Whilk may not sauour ne smell in no wyse
Pineorrybyllflescherotyng and stynkyng
Of al creatures hated to devyse
Safe onely of vs wretchidwormesbeyng
If we as bestes had smellyng and tastyng
Trowsþouþat we waldtowchepicaryoneplayne
Nay parde we wald it voyde for certayne. (vv.65-71)

*(Так как у нас нет способа вкусить или почувствовать запах
Твоего ужасного, гниющего, зловонного разложения.
Все создания считают тебя совершенно отвратительными,
Кроме нас, червей; мы уже и так лишены благодати.
Если бы мы, как звери, могли бы ощутить вкус или запах,
Ты думаешь, мы бы прикоснулись к твоему трупу?
Нет уж, спасибо, мы бы, конечно, избежали этого).*

Следует отметить, что в религиозной литературе могильные черви возникают еще и в житиях святых, и у живого человека они тоже обычно не вызывают болевых ощущений. Так у святых чаще всего гниющая плоть, наполненная червями, свидетельствует об омертвелости тела и небрежении к нему, а одновременно о высвобождении души и обострении чувств, открытых для восприятия святым или праведником божественной воли. Таков, например, случай Св. Симеона Столпника, тело которого покрыто язвами с червями, не приносящими ущерба душе и влекущими особую, осененную божественной благодатью, чувствительность. Тело именно при помощи червей еще при жизни святого высвобождает его восприимчивость божественного. Тело лишь разъедается, не принося Симеону душевных и физических страданий («Житие написанное Антонию Великим», V век): «О Симеоне говорят монахи: «Откуда ты привел к нам сего человека? Мы не можем воздерживаться от пищи, как он; он ведь постится от воскресения до воскресения и пищу, что получает, раздает нищим; к тому же от тела его исходит тяжелейшее зловоние, так что никто не может стоять рядом с ним. А когда он идет, то с него сыплются черви, и ложе его также полно червей». Черви бесчувственны, именно потому они оказываются на мертвом теле и, соответственно, они и передают ему эту свою бесчувственность.

Таким образом, черви на мертвом теле и в могиле – это не только символ бренности, но и предельный случай бесчувствия, как в отношении отсутствия земных чувств (зрения, слуха, обоняния, осязания), так – и это главное для нас – и в отношении обостренного восприятия всего, что происходит в загробном мире. Это свидетельство того, что тело не способно чувствовать ту самую ситуацию наказания/вознаграждения, гибели/спасения, которая и является главным содержанием всякого визионерского текста. И черви, к прочим своим значениям, добавляют еще одно – они становятся своего рода символом такой омертвелости. Совсем иначе обстоит дело с душой, соседствующей рядом с телом, поедаемым червями. В тех же дебатах многократно указывается на то, что душа острее видит (она начинает видеть ангелов, демонов); слышит все звуки мира; душа обоняет, чувствует различие запахов греха и добродетели, безошибочно отделяя одно от другого. Эти особые чувства души объединяют ее с миром божественных сущностей. Источник таких способностей души в Средние века очевиден – это сочинения псевдо-Дионисия Ареопагита, который ясно и исчерпывающе регламентирует и переоснащает земные чувства: «Распознавательные силы обоняния означают способность вос-

принимать, сколько возможно, превышающее ум благоухание, верно различать от зловония и совершенно избегать его. Чувство слуха – способность участвовать в Божественном вдохновении и разумно принимать оное. Вкус – насыщение духовною пищею и приятие Божественных и питательных струй. Осязание – способность верно различать полезное и вредное» («О небесной иерархии»).

Черви, символизирующие загробное бесчувствие тела, в обилии наполняют средневековые видения. Помня об этой символике червей, можно попытаться истолковать появление загробных червей в мире душ, претерпевающих наказание. На мой взгляд, именно в этой своей символической функции – сообщить бесчувствие всякого рода – черви появляются в Аду в «Божественной комедии» Данте. Могильных червей там почти нет (ибо нет тел, которыми они питаются), собственно, они там возникают лишь однажды в Третьей песни «Ада», в том месте, где речь идет о душах ничтожных, которых не принимает ни Ад, ни Рай.

Questisciaurati, chemaì non fur vivi,
erano ignudi e stimolati molto
da mosconi e da vespe ch'eran ivi.

64. Вовек не живший, этот жалкий люд
Бежал нагим, кусаемый слепнями
И осами, роившимися тут.

Elle rigavan lor di sangue il volto,
che, mischiato di lagrime, a' lor piedi
da fastidiosi vermi era ricolto.

67. Кровь, между слез, с их лиц текла
И мерзостные скопища червей
Ее глотали тут же под ногами.

Как видим, самых ничтожных и бесчувственных людей Данте сопровождает самыми ничтожными из тварей. Ничтожность эта, несомненно, проистекает в том числе и из библейского противопоставления червей человеку (Пс. 21. Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе). Наличие червей подчеркивает также пограничность места обитания душ ничтожных – очень близко к поверхности земли и обитанию мира живых. Но могильные черви приносят и дополнительную символику: в загробном мире дантовского видения черви и души при них ничтожны, в первую очередь, наделены низменными *чувствами*, они вопят и несутся вихрем, они единственные, с кем не говорит Данте, кто по сути не видит и не замечает пришельцев. Ничтожны и их муки. Не случайно, Данте говорит, что если бы они были в аду, то остальные возгордились бы величием своих мук. Не менее важными являются слова, что носители этих душ «*che mai non furvivi*» («*которые никогда не жили*»). Они не жили, а значит и не чувствовали, и черви некоторым образом эмблематически сообщают нам об этом бесчувствии ничтожных.

Таким образом, понимание символического значения бестиарных образов визионерской литературы помогает более полному постижению дидактического смысла ученого средневекового жанра «спор тела и души», а также уточняет использование бестиарной символики в художественном мире литературного «видения» Данте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюшков Ф.Д. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. Опыт историко-сравнительного исследования. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. С. 314.
2. Anonima disputa alma cuerpo. Edicion digital de Revista literaria Katharsis. URL: http://revistaliterariakatharsis.org/Anonimo_Disputa_alma_cuerpo.pdf
3. Beresford Andrew. Theme, Style, and Structure in the Disputa del cuerpo e del ánima/ Universidad de Alcalá. Revista de Literatura Medieval 8, 1996.
4. Brent J. Justin. From Address to Debate: Generic Considerations in the Debate Between Soul and Body. Comitatus // A Journal of Medieval and Renaissance Studies. Center for Medieval and Renaissance Studies, UC Los Angeles, 2001.
5. Cartlidge, Neil. "In the Silence of a Midwinter Night": A Re-evaluation of the "Visio Philiberti" // Medium Aevum 75, 2006.
6. King Edward B. The De contemptu mundi Attributed to Grosseteste. Speculum // A Journal of Medieval Studies. 1983. Vol. 58, N 3 (Jul.).
7. Franchini E. Los debates literarios en la Edad Media. Madrid, Ediciones del Laberinto, 2001.
8. Mayol Ferrer J-R. Sobre la fecha de la Disputa del alma y el cuerpo // Bulletin Hispanique. 1996. Т. 98, №2, P. 253-260.
9. Torres Miranda A.T. Texto y publico de la Vision de Filiberto. Universidad Autónoma Metropolitana Iztapalapa. Mexico, D.F., 2004, P. 166.

10. Rytting J.R. A DisputaciounBetwyxpe Body and Wormes: A Translation. Comitatus // A Journal of Medieval and Renaissance Studies, 31(1). URL: <https://escholarship.org/uc/item/0c04p0xq>.
11. Revelación de un ermitaño. Alicante : Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2008 Reproducción digital basada en: Poetas castellanos anteriores al siglo XV, colección hecha por Tomás Antonio Sánchez, continuada por Pedro José Pidal y aumentada e ilustrada por Florencio Janer, Madrid, M. Rivadeneyra, 1864, P. 387-388.

Поступила в редакцию 14.04.16

I.V. Ershova

BESTIARY SYMBOLICS OF INDIFFERENCE IN MEDIEVAL VISIONARY TEXTS

The article is devoted to rendering the symbolical connotations of bestiary characters in one of the medieval literary genres called “visions”. The analysis of old Spanish versions of the “dispute between the body and the soul” (XII–XIV centuries) shows that death worms on the body (either dead or alive) are not only the testimony of material evanescence, but rather the ultimate case of indifference with respect to both absence of earthly senses and acute perception of everything that occurs in the other world, i.e. the ability to perceive the situation of punishment / reward and perish / salvation proper, which is eventually the basic matter of every visionary text. This makes it possible to expound appearance of death worms in the “Hell” by Dante, where they occur only in description of paltry souls (Hell, 3, 64-69).

Keywords: visions, dispute between the body and the soul, bestiary, death worms, symbol.

Ершова Ирина Викторовна,
кандидат филологических наук, профессор кафедры
сравнительной истории литератур ИФИ РГГУ.
Российский государственный гуманитарный
университет
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6
E-mail: i.v.ershova@list.ru

Ershova I.V.,
Candidate of Philology, Professor at the Department
of Comparative Literature, Institute for Philology
and History
Russian State University for the Humanities
Miusskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, Russia, 125993
E-mail: i.v.ershova@list.ru